

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте повести
Ольги БАСКОВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Проклятое ожерелье Марии-Антуанетты

Золотой конь Митридата

Сокровище падишаха

Наследство племени готов

Проклятая сабля крымского хана

Брежет хозяина Одессы

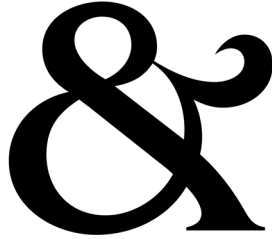
Медальон Таньки-пулеметчицы

Сокровища баронессы фон Шейн

Тиара скифского царя

Бриллианты с царской иконы

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Ольга БАСКОВА

**Золото
«Черного принца»**

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б27

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серии *С. Курбатова*

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Баскова, Ольга.

Б27 Золото «Черного принца» : [роман] / Ольга Баскова. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-154102-6

Английский корабль «Черный принц» затонул во время Крымской войны у берегов полуострова. Он был гружен золотыми монетами, и многие кладоискатели мечтали их найти. Призрачный блеск золота отравил душу и офицера НКВД Анатолия Викторова, который приложил максимум усилий, чтобы выйти на след тех, кто мог найти сокровища «Принца»... В наши дни старушка Нонна Вальцпруф заинтересовалась легендарным кораблем, а вскоре умерла не своей смертью. Журналистка Катя Зорина твердо решила выяснить, кто убил ее пожилую соседку...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Баскова О., 2021

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-154102-6

ГЛАВА 1

Балаклава, 1915 год

Б

алаклава... Край гор, скал и моря. С сквозь тесное, зажатое розовыми камнями устье деловито скользят рыбацкие лодки. «Листригоны» — так испокон веков называют местных рыбаков. Аквамариновая вода в бухте, древние башни и выбитые в скалах ступеньки вдохновляют поэтов, писателей и художников. Под лучами заходящего солнца слегка искрится бескрайнее море.

Ясная летняя ночь опускается на город...

Десятилетний мальчик Толя Викторов никак не может заснуть, ворочаясь на жесткой постели. Ребенок то и дело вскакивает и подбегает к окну.

— Мама, смотри. — Худенькая ручонка тянется к морю. — Лунная дорожка! А правду говорят, что тот, кто проплывет по ней, станет счастливым человеком?

Молодая женщина качает головой:

— Наверное. Море хранит много разных секретов. — Она ласково гладит сына по голове. — Дай спи, непоседа.

Толя трет глаза.

— Мама, расскажи мне о чем-нибудь. Так я скорее засну. Честное слово.

— О чем же тебе рассказать?

Мальчик морщит лобик:

— О корабле «Черный принц», который затонул в нашей бухте с сокровищами. Помнишь, ты рассказывала мне о нем. А потом никто, никто не мог отыскать золото.

Мама улыбается:

— Ну, слушай. Однажды к Балаклавской бухте подошел гордый красавец-пароход с громким названием «Принц». Англичане ждали его с нетерпением. Он вез им жалованье — миллионы фунтов стерлингов.

Тихий вкрадчивый голос убаюкивает. Через десять минут мальчик уже спит, положив ладонь под голову. Он еще не знает, что через два года грянет Великая Октябрьская революция, что она коренным образом изменит его судьбу, он окажется востребованным и попадет в самую страшную организацию того времени — НКВД, и что детская сказка о «Принце» навсегда западет ему в душу, и он посвятит жизнь поискам золота, при этом ломая другие жизни...

ГЛАВА 2

Приреченск, наши дни

Она сидела на кухне и пила чай со свежими яблоками. Именно такой чай любили ее отец и мать. Нарезаешь яблоко тоненькими кусочка-

ми и бросаешь в кипяток с заваркой... Потрясающий аромат!

Неповторимый запах этого напитка снова пробудил воспоминания. Вот папа берет в руки плод, медовый, с красным бочком, очищает от кожуры. Мама, нагрев заварной чайник, наливает туда кипящую воду...

Боже, как это было давно! Она вдруг резко повернула голову в сторону коридора и прислушалась. Из гостиной доносились шаркающие шаги. Кто-то ходил по комнате.

Закусив губу, чтобы не закричать, она медленно поднялась со стула.

— Спокойно! Здесь никого не может быть!

И все-таки там кто-то был. Он шуршал газетами, лежащими на журнальном столике, двигал старое кресло.

«Вор! — мелькнула мысль. — Узнал, что я живу одна».

Но как в таком случае ему удалось проникнуть в квартиру? Через балкон? Значит, он альпинист, раз не боится маневрировать на карнизах седьмого этажа.

Ноги неожиданно стали ватными. Она хотела позвать на помощь, но опять вовремя сдержала себя.

«Надо дойти до телефона в прихожей. Или выскочить на лестничную клетку».

Стараясь вжаться в стену, она двигалась к спасительной двери.

Он вырос перед ней внезапно, как призрак. В длинном черном пальто, в широкополой шля-

пе. Лица его она не видела, но знала, что это он. Его голос...

— Ты? — Ее тонкие губы посинели. — Этого не может быть! Ты же умер!

Он рассмеялся. О, как она ненавидела этот лающий смех!

— Что ты, дорогая! Разве я могу умереть, не узнав у тебя твоей тайны! Ради нее я на тебе женился.

Она стала задыхаться:

— Я была на твоих похоронах!

— Точно! — подтвердил он. — А теперь я пришел за тобой. Помнишь, я сказал, что нас ничто не разлучит? Иди ко мне... Пусть твоя семейная тайна уйдет вместе с нами.

Она сделала шаг к двери, но тонкие холодные пальцы схватили ее за локоть. Почувствовав резкую боль в груди, она пошатнулась.

— Тебе плохо, дорогая? Хочешь прилечь? Иди в гостиную.

— Убирайся! — Стараясь превозмочь боль, она замахнулась на него.

Темный силуэт стал отступать в комнату, растворяясь в воздухе. Господи, что же это такое? Неужели призрак ненавистного ей человека? И когда прекратится эта боль?

— Я жду тебя, любимая! — Свистящий шепот послышался из-за темных старых гардин. — Ты готова перенестись в вечность?

Да, это он, он! Не успокоился и на том свете! Липкий страх парализовал тело вместе с болью.

Вскрикнув, она упала на холодный пол.

ГЛАВА 3

Приреченск, наши дни

Звонок в дверь заставил Катю оторваться от приятного дела — приготовления вкусного и обильного ужина любимому мужу. Чтобы спокойно заняться этим, девушка пораньше ушла с работы, купила по дороге в супермаркете кусок говядины, придя же домой, быстро смолочила его на электромясорубке, добавив лук и чесноку, потом замесила тесто и принялась лепить пельмени — излюбленное блюдо Костика.

Вообще, журналистка обожала готовить, постоянно сетуя, что на этот творческий процесс (именно так она его и называла) катастрофически не хватает времени.

Сегодня же его было предостаточно. Еще в полдень Скворцов предупредил супругу, чтобы не рассчитывала на его скорое возвращение домой. Какое-то столичное начальство устраивало совещание, мешая желанию бедных усталых оперативников наконец-то, в кои-то веки, обнять жену и детей вечером, а не ночью или под утро.

Несмотря на это, Катя пребывала в прекрасном настроении. Совещание — все же не происшествие, где благоверный может крутиться неизвестно сколько. Ну, поторчит ее Скворцов в отделе лишних полтора часа, зато вкусит королевский ужин.

Звонок в дверь перечеркнул все ее намерения.

— Неужели совещание не состоялось? — На сей раз такой расклад событий ее не очень радо-

вал. Больно уж хотелось преподнести пельмешки в большой фарфоровой тарелке — подарке ее родителей.

Однако, махнув рукой, девушка побежала к двери. Разумеется, муж и так обрадуется приготовленному ею сюрпризу и с удовольствием подождет, пока полуфабрикаты превратятся в дымящиеся пахучие готовые продукты.

Глянув по привычке в глазок, она удивленно подняла брови и открыла дверь. Перед ней стояла соседка, жившая этажом выше, Эмма Павловна Кульчицкая.

— Извини, что беспокою тебя, Катюша, — начала женщина, проходя в прихожую, — надеюсь, ты не очень занята?

Из вежливости журналистка отрицательно покачала головой.

— Слушаю вас.

— Меня очень волнует, что Нонна Михайловна уже несколько дней не выходит из своей квартиры.

Нонна Михайловна Вальцпруф жила с Кульчицкой на одной лестничной клетке. Это была довольно бодрая старушка лет семидесяти пяти. Катя неоднократно наблюдала, как проворная бабушка с тяжелыми сумками бегом преодолевала барьер в три этажа, и при этом думала: «Ну, и здоровье у человека!»

Своих детей у Нонны Михайловны не было. Муж умер лет пять назад, оставив ее одну-одиношеньку в большой двухкомнатной квартире. Первое время женщина горевала, потом, следуя советам доктора Курпатова направлять энергию пусть

даже на бессмысленные поступки и отвлекаться таким образом от мрачных мыслей, вспомнила о родной сестре, жившей на другом конце города, с которой она не общалась вот уже двадцать лет.

Благодаря усердию Вальцпруф близость между родственниками восстановилась, и нерастраченная материнская нежность Нонны Михайловна вылилась на внучатых племянников. Ей стало казаться, что она совсем не одинока. Высокие бородатые мужчины с женами и маленькими детьми постоянно приезжали к ней обедать и ужинать. В большой семье наступила идиллия, длившаяся, впрочем, недолго. В один прекрасный день старушка снова осталась в полном одиночестве. Что произошло, никто из соседей, даже самые любопытные, так и не узнал.

Впрочем, Нонна Михайловна недолго горевала. Она принялась совершать длительные прогулки по городу, открывая для себя интересные места и взахлеб рассказывая о них подругам. Особенно тесно Вальцпруф общалась с Эммой Павловной, и неудивительно, что та первая заметила ее отсутствие.

— Может, человеку нездоровится? — высказала Зорина свое предположение. — Вы звонить не пробовали?

— Последние три дня только этим и занимаюсь каждые десять минут, — отозвалась Кульчицкая. — Ваш муж дома?

Катя улыбнулась:

— С его работы так рано не возвращаются. Может, я смогу вам помочь?

Эмма Павловна замялась:

— Когда-то Нонна дала мне ключ, — непонятно почему чувствуя себя виноватой, сказала она, — просила, чтобы в ее отсутствие (тогда подруга еще ездила в гости к сестре и часто оставалась жить на даче) я поливала цветы. Могу ли я им воспользоваться сейчас?

Журналистка нахмурилась:

— Вам бы следовало сделать это раньше.

Только теперь ей стала понятна неловкость Кульчицкой: опустив ресницы, та промолвила:

— Я боялась... А вдруг она там мертвая?

Молниеносно открыв дверь, девушка бросилась вверх по лестнице, увлекая за собой соседку. Перед квартирой Вальцпруф Катя остановилась и замерла. Сладковатый запах, пробивавшийся из всех щелей, стал уже довольно ощутимым.

Старушка закашлялась.

— Сейчас я потеряю сознание. — Кульчицкая навалилась на журналистку всей тяжестью тела.

Катя, старавшаяся сохранить равновесие, достала платок и, поморщившись, закрыла нос.

— Прежде надо позвонить участковому, — сказала она Эмме Павловне. — Боюсь, вашей подруге уже ничего не поможет.

Женщина взяла себя в руки и, побледнев, кинулась в свою квартиру. Журналистка, подавив приступ тошноты, медленно спускалась по ступенькам. У распахнутой двери ее подждал Костик.

— Ну, ты меня и напугала! — облегченно вздохнул он, увидев жену целой и невредимой. — Сколько можно тебя учить...

— Умерла Нонна Михайловна, — расстроено

сообщила ему Зорина, забыв про недолепленные пельмени.

Оперативник наморщил лоб:

— Бодрая старушка? В это трудно поверить. Что с ней? Инфаркт? Инсульт?

— Еще не знаем.

Катя вкратце рассказала о разговоре с Кульчицкой.

Скворцов снова изумился:

— Сколько раз, глядя, как старушенция прыгает через кочки, я думал: «Вот уж на ком пахать можно!»

После этой реплики супруга выразительно посмотрела на него:

— Я тоже так считала... Вот почему и хочу присутствовать при вскрытии квартиры.

— Тебе это надо? — Помыв руки, муж прошествовал на кухню и при виде аккуратно вылепленных пельмешек шумно сглотнул слюну. — А впрочем, иди, дорогая. За ужин спасибо, но сдается мне, что ты налепила на одну порцию. Лучше мне поднатужиться и сварить их, чем остаться наполовину голодным.

Катя рассмеялась:

— Ты не очень-то раскатывай губу. Я не собираюсь задерживаться. Лучше слепи еще с десяток.

— Эксплуататорша!

Скворцов покорно сел за стол:

— Так и быть. Но если что — зови меня.

— Обязательно!

Участковый, старший лейтенант Кирилл Иванович Андроников, вечно чем-то недовольный и озабоченный семейными проблемами, сразу

прибежал на место происшествия, захватив поня-
тых из первой квартиры. Увидев Зорину, он сму-
тился:

— Если бы я знал... Лучшей понятой мне не
сыскать.

Девушка махнула рукой:

— Я никуда не денусь.

Соблюдая необходимые формальности, поли-
цейский открыл квартиру и, зажав нос, прошел
в большую комнату.

Нонна Михайловна лежала у тумбочки, неесте-
ственно подогнув под себя руку.

Указав на глубокую рану у виска и на острый
угол с облупленной полировкой, Кирилл Ивано-
вич вздохнул:

— У нее закружилась голова. Она упала и уда-
рилась.

Катя, морщась от неприятного запаха и во вто-
рой раз за сегодняшний вечер преодолевая чув-
ство брезгливости, приблизилась к соседу.

— Думаете, сердечный приступ?

Андроников кивнул:

— Не иначе как... Хотя никогда бы не поду-
мал... Такая бой-баба была!

— Тогда вы должны ходатайствовать о
вскрытии...

Кирилл Иванович прищурился:

— Никогда не понимал женской логики.
И с какой, скажите, стати ее вскрывать? Разве мо-
тивировав тем, что покойная до последнего прыга-
ла, как горная коза? Мало, что ли, случаев в жиз-
ни, когда подобные ей скопычиваются на лету?

Зорина дотронулась до его локтя.

— Ее глаза... Выражение лица... Обратите внимание... В глазах застыл испуг. Что, по-вашему, могло ее так напугать?

Широкие плечи участкового чуть дрогнули:

— Какое мне, простите, до этого дело?

— Давайте ничего не будем трогать до приезда оперативной группы, о которой позаботится мой супруг.

Андроников удивленно и недовольно посмотрел на журналистку:

— Вечно вы лезете в чужую работу... Какое вам дело до скоропостижно скончавшейся пожилой женщины? Ей, между прочим, было больше семидесяти. Свое отжила.

Зорина, стараясь подавить раздражение, вызванное равнодушием работника правоохранительных органов, ответила:

— Это не значит, что мы не должны установить причину. А ваше отношение к случившемуся для меня дико и непонятно.

Кирилл Иванович отошел к окну, всем своим видом демонстрируя покорность судьбе:

— Делайте что хотите.

— Разумеется, я так и поступлю.

Достав из кармана фартука, который она не успела снять, мобильный, Катя набрала номер мужа.

— Костик, ситуация требует твоего присутствия!

Оперативник хотел что-то вставить, по всей вероятности, заикнуться о пельменях, томящихся на деревянной доске, но передумал:

— Бегу.